

Кудрявцева К. Г.

«ЖЕНА, ОБЛЕЧЁННАЯ В СОЛНЦЕ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

М.: РГГУ, 2015. 334 с. ISBN 978-5-7281-1765-0

УДК 82-95 (27-277.2)

DOI: 10.31802/BCA.2020.8.4.014

«Жена, облечённая в солнце», — один из загадочных и вместе центральных образов Апокалипсиса св. апостола Иоанна Богослова. Его кажущееся самоочевидным прочтение как образа Божией Матери (которое к тому же служило бы доказательством раннего начала Её церковного почитания) не было поддержано святыми отцами в связи с порождаемыми им трудностями¹. Так, Жена мучится болями рождения (см. Откр. 12, 2) и убегает от змия в пустыню (см. Откр. 12, 6), *в своё место* на длительный срок (Откр. 12, 14), после чего змий отправляется *вступить в брань с прочими от семени её* (Откр. 12, 17). Согласно раннему толкованию св. Мефодия Олимпийского, «явившаяся облечённою в солнце на небе жена... есть Церковь, чьи дети соберутся вместе после воскресения, отовсюду придя к ней; а она, достигшая света не вечернего, насладится блеском одежды, облечённая в образ (σῆμα) Слова»². Этот же комментарий воспроизводит и Андрей Кесарийский³. Пресвятая Дева, на формы церковного почитания Которой образ Жены, несомненно, сам оказал влияние⁴, в сознании

- 1 Дж. Кугел утверждает, что основной единицей толкования Библии для мидрашиста был стих (Кугел Дж. В доме Потифара. М.: Текст, 2010. С. 424). Мы не решаемся возразить Кугелу по поводу мидрашиста, но в случае с отцом Церкви это, очевидно, не так: для него основной единицей является весь текст Писания, помещённый в контекст догмата; привести к этой единице каждое конкретное множество, т.е. каждую группу стихов или группу образов, и есть цель древнецерковного экзегета. Именно такое восприятие текста делало его «хлебом жизни», т.е. видом Божественной плоти, которым человек «питается» в ходе движения по богослужебному кругу, центр которого — Евхаристия.
- 2 *Methodius Olympius*. Convivium decem virginum 7, 5 // PG. 18. Col. 145.
- 3 *Andreas Caesariensis*. Commentarius in Apocalypsin XXXIII, 12, 1 // PG. 106. Col. 320.
- 4 Разительный пример такого влияния — слова тропаря праздника Рождества Богородицы: «Из Тебе бо возсия Солнце Правды». Они выражают в точности тот же смысл, что и прочтение К. Г. Кудрявцевой образа «Жены, облечённой в солнце», как женщины, беременной солнцем.

православного верующего оказывается высшим и чистейшим воплощением того, что этот образ выражает относительно Церкви как мистического тела и венца творения.

В работе Катерины Кудрявцевой перспектива рассмотрения загадочного образа из Апокалипсиса иная — не богословская, а, скорее, религиозоведческая. Но религиозоведческая точка зрения не может не включать в себя богословскую, иначе она рискует исказить свой предмет — религию, обойдя вниманием её вероучительную сторону. К. Г. Кудрявцевой удалось прийти к богословскому рассмотрению образа религиозоведческим путём, а именно путём расшифровки его семантики. В этом смысле её исследование подобно работе с красками, восстанавливающими цвета фрески до первоначальной яркости (пусть виртуально, чтобы не вмешаться с новой кистью в исторически сохранившиеся слои), в то время как схема рисунка и его сюжет остаются теми же самыми. К. Г. Кудрявцева берёт за основу нарратив видения св. апостола Иоанна, который она разделяет на четыре аспекта и даёт им довольно поэтические названия: «Застигнутая жизнью и смертью»; «Свечение»; «Противостояние как погоня»; «Город». По этим четырём ключевым темам распределена на параграфы каждая из пяти глав работы, которые охватывают мировой фольклор, корпус канонических книг Ветхого Завета, письменность эпохи Второго Храма, литературный контекст Откровения св. Иоанна Богослова (то есть тоже произведения периода Второго Храма, но наиболее близкие по развитию своей образности к Апокалипсису) и, наконец, сам текст Откровения.

Выбор четырёх ключевых нарративных тем связан с удобством их анализа именно по внешним линиям, начиная с фольклора. И хотя эти линии собираются, как в фокусе, в тексте Апокалипсиса, всё же общая картина, по признанию автора, сделанному в заглавии заключения, представляет собой «сад сходящихся и расходящихся тропок» (с. 258). Иными словами, это не всегда общая картина, и степень корректности сближений, как мы увидим, может оказываться неодинаковой. Однако последнее обстоятельство не дискредитирует метод, которым пользуется К. Г. Кудрявцева. Как уже было сказано, речь идёт о расшифровке семантики, то есть комплекса значений, в данном случае значений образа. Ряды ассоциаций, формирующиеся вокруг образа в ходе закрепления его значений в культуре, имеют объективную природу. Так, ассоциация «ковша» и «медведицы», особенно через предикат «небесный», которая для человека иной культуры может показаться бессмыслицей, в нашем сознании не зависит от желания мыслить связь между

медведицей и ковшом, она есть просто культурный факт. Такие же ассоциации в уме средневековых писателей составляли крест и шестой час дня, всеобщее воскресение и число восемь (а вместе с ним восьмигранные архитектурные элементы и т. д.). Мы не имели бы ключа ко многим явлениям культуры, для нас оставались бы наполовину немymi самые важные тексты, если бы мы не учитывали подобных отождествлений; когда же мы имеем дело с культурой, современной нам самим, мы воспринимаем их произвольно, на чём основываются не только поэтические ряды, но и многие виды информационного внушения, суггестии.

Одновременно силу и слабость работы К. Г. Кудрявцевой составляет формула «может быть». Перечисляя множество (но, конечно, не исчерпывающее) проявлений каждого из образов, путём дедукции выведенных ею из интересующего её нарратива, она действует как человек, обременённый огромной связкой ключей и пытающийся подобрать из них нужные к значительно меньшему количеству дверей. В результате, несмотря на попытку создания герменевтической полноты за счёт массы примеров, некоторые детали образа Жены, как, например, луна, остаются практически без расшифровки, хотя автор немало говорит о том, чем они «могут быть» вообще в истории мировой культуры. Тем не менее, книга оказывается содержательной и достойна внимательного прочтения.

Во введении автор справедливо обращает внимание на то, что образ Жены — один из центральных в структуре Апокалипсиса и его значение далеко не ограничивается 12-й главой. Жена не просто таинственно появляется и исчезает (убегает в пустыню), но снова возникает в конце священной книги как Новый Иерусалим, оказывается Невестой Агнца (с. 9–10). Кроме того, её негативным двойником предстаёт иная Жена — Вавилонская блудница, сидящая на Звере багряном. То, что богини-девы и богини-блудницы, крылатые богини и богини с чертами животных иногда сближаются и даже сливаются, посредничая между небесным, земным и подземным мирами (с. 37), К. Г. Кудрявцева подробно прописывает на примерах из мифологии. При этом она, однако, не доводит до конца анализ употребления этой мифологической логики св. Иоанном Богословом. Ведь колебание между девой и блудницей — историческая судьба Израиля, о сакральной столице которого пророк сказал в стихах: *Како бысть блудница град верный Сион полн суда?* (Ис. 1, 21). Именно поэтому разделение двух этих образов до последней и непримиримой вражды, производимое на основании их отношения к Змию и произведённому им Зверю, представляет собой окончание колебания, решение судьбы твари, в действительности

неспособной опосредовать девственную чистоту и падение в скверну. Таким образом, то, что в мифологии порой имеет склонность к сближению, в Откровении делает обратный ход к окончательному разделению.

Вполне справедливым представляется суждение автора книги о солнце как основе образа героя в большинстве мифологических сюжетов (с. 45), поэтому «Жена, облечённая в солнце», — описание не просто яркости одежд, но свечения, идущего изнутри, от беременности чудесным Младенцем. Солнечный Герой в фольклоре — рождающийся, умирающий и снова воскресающий (с. 48), то есть, переводя на язык Откровения, солнце служит одним из самых ярких символов того, что происходит со Христом и каждым Его последователем. Образ женщины, как уже было сказано, в фольклоре мог быть амбивалентным, но дракон (Змий), замечает К. Г. Кудрявцева, всегда связан с тёмной и холодной стихией, пытающейся поглотить солнце (с. 58).

Далее линия образа Жены продолжается через семантику взаимосвязанных образов города, горы и сада. Ассоциация города или страны с женщиной вполне традиционна не только для библейских текстов с их женским родом соответствующих существительных. Богиня-покровительница города часто отождествляется с его стеной (с. 61). Поскольку же ворота города соответствуют порогу — границе между профанным и сакральным миром, — нет ничего странного и в отождествлении Жены с храмом (с. 65). Далее вступает в силу ассоциативные связи между городом, башней и горой (и, разумеется, городом на горе). В свою очередь, гора как дом Бога и Его город оказывается садом (с. 66). Город и сад имеют ограду, что роднит их также с островами. Как остров, так и сад представляют собой места, в мировом фольклоре связанные с жизнью и смертью или переходом между ними. Значит, Жена, «застигнутая жизнью и смертью» (то есть рождением и болями рождения, а также нападением Змия), сама является местом встречи этих двух начал.

На с. 76 автор переходит к собственно библейскому контексту. Она рассматривает многогранный образ Евы, безусловно архетипический для Жены, и пробует выстроить какие-то переходы между ним и библейской персонификацией Премудрости. Палитра значений здесь оказывается предельно широкой: не отдавая предпочтения определённым теориям, К. Г. Кудрявцева не только перечисляет языческие аналогии (богинь мудрости), но и рассматривает прецеденты, когда Премудрость предстаёт перед нами как атрибут Бога и даже форма Его собственной персонификации. Весьма точным, хотя оно и основывается на гетерогенных источниках, выглядит отождествление Премудрости с «самой

жизнью, дающей рождение» (с. 83), что опять возвращает нас к образу Жены из Апокалипсиса.

Далее образ праведной жены сопоставляется с образом блудницы: в некоторых персонажах (Фамарь, Раав) они «создают как бы одно целое, которое постепенно распадается на абсолютно контрастные половины» (с. 87). Добавим от себя, что в Апокалипсисе, очевидно, распадение достигает апогея: попеременное движение в обе стороны прекращено, и два типа жены представлены как два обособившихся полюса.

Все линии, начатые в первой главе, во второй раскрываются на более узком материале полнее и направленнее в отношении главной темы книги К. Г. Кудрявцевой. Солнце проходит через ряд образов Божественной славы и библейских героев (особенно через Самсона, чьё имя само по себе солярно); автор подводит читателя к мысли о том, что такие проявления Бога в иудейской традиции, как Шехина, Ангел Господень и Сын Человеческий, изначально включают в себя солярную символику, хотя это не означает, что они могут быть сведены к ней (с. 94). Змий, или дракон, морское чудовище, предстаёт извечным врагом Бога, с которым Он ведёт борьбу в разных сюжетах библейских песен и пророчеств, включая эсхатологические. Сад — место, где создана Ева, — пересекается у пророков с Сионом, Храмом и будущей землёй. Город (Иерусалим) вновь и вновь оказывается женой и т. д.

В третьей главе библейские образы дополняются и расширяют своё применение на основе литературы периода Второго Храма с заходом в средневековые тексты, которые нередко заключают в себе элементы более ранней традиции. Цель автора в настоящем разделе — показать, каким образом (благодаря каким ассоциативным связям) Жена может представлять одновременно как дом, город, гора, сад, Храм, Израиль, вселенная и т. п. При этом, заметим, некоторые ассоциации в Апокалипсисе явно «работают» иначе, чем во внешних источниках: так, если в каббалистических текстах между Премудростью, Шехиной, луной, Израилем и сфирой Мальхут (Царство) может быть поставлен знак равенства (с. 151), то в Откр. 12 помещение малого светила под ногами Жены указывает, очевидно, на служебное и преходящее положение какой-то части этого ряда, особенно по контрасту между луной и солнцем.

В четвёртой главе К. Г. Кудрявцева сосредоточивается на ряде кумранских текстов, 3-й книге Ездры и повести иудео-эллинистического времени «Иосиф и Асенефа». «В этих текстах содержится тот же комплекс исследуемых мотивов: рождающей женщины и женщины, ведущей к смерти; рождения света; темы истинного и ложного свечения;

описания погони за светом и его “смерти”; образ женщины-города» (с. 153). В Кумране, помимо традиционных женских образов мудрости и безрассудства, в «Благодарственных гимнах» мы встречаем также загадочное противопоставление двух женщин, готовящихся родить соответственно Мужа и Змея (1QH 11:6–18; К. Г. Кудрявцева цитирует этот фрагмент на с. 162–163 по существующему русскому переводу). Женщина в 3 Езд. 9, 26 — 10, 59 представляет собой Иерусалим, причём в атрибутику образа также входит сияние. Но ближе всего к Откровению оказывается новелла «Иосиф и Асенефа»⁵, где Иосиф символически предстаёт как «Сын Божий», а его невеста и жена Асенефа — как «спасённый мир» (с. 168).

В главе пятой, названной «Соединение образов в Откровении Иоанна Богослова», автор приступает к синтезу. Здесь особенный интерес представляет экскурс о числовой символике Апокалипсиса (с. 216–220, 229–230). К. Г. Кудрявцева указывает на книги 1 Еноха и Юбилеев как возможный источник для понимания таинственного языка чисел, употребляемого апостолом. Вместе с тем, хотя основа счисления, связанная со спецификой календаря, действительно может быть общей, само по себе сопоставление источников не даёт удовлетворительного толкования числам, употреблённым в Апокалипсисе. Вероятно, за ними стоит некий более универсализированный язык чисел, для которого и указанные источники по межзаветной апокалиптике представляют собой только частные случаи. Кроме того, нельзя исключать и конкретности некоторых предсказанных дат, что, конечно, не отменяет возможности их символического толкования. В целом, однако, вывод К. Г. Кудрявцевой о том, что числовой ряд Апокалипсиса «помогает обнаружить непосредственную связь Первого и Нового творений», представляется убедительным (с. 230).

Завершая синтез, автор обращает внимание читателя на корректное понимание выявленных образов: «Жена, облечённая в солнце», не равна Великой матери и не тождественна Премудрости, но сохраняет в себе память об архетипе Великой матери и содержание понятия Премудрости. Она не является Солнцем, за которым гонится Ночь, но с помощью всего этого образного комплекса символизирует Церковь,

5 Это произведение уже достаточно хорошо представлено в научной литературе на русском языке. См. библиографию в статье: Брагинская Н. В. Иосиф и Асенефа // ПЭ. М., 2011. Т. 26. С. 34–40. См. также: Bloch R. Take Your Time. Conversion, Confidence and Tranquility in 'Joseph and Aseneth' // Anthropologie und Ethik im Frühjudentum und im Neuen Testament. Wechselseitige Wahrnehmungen / hrsg. M. Konradt, E. Schläpfer. Tübingen, 2014. S. 77–96.

Богоматерь и Божественное Присутствие... Образы эти не направлены в прошлое. Используя изначальное мифологическое, они становятся символами приходящего будущего» (с. 257).

Книга К. Г. Кудрявцевой — оригинальное исследование, дающее обильную пищу для размышлений и проливающее свет на церковную символику, сохраняющуюся в актуальных формах живописи, архитектуры и словесности. Книгу можно рекомендовать изучающим библейскую герменевтику и экзегетику. Стоит только оговориться, что некая «сумбурность» использования мифологического материала, найденная К. Г. Кудрявцевой в Апокалипсисе (с. 258), скорее всего связана с избыточностью, с которой он представлен в самой работе. Жалость к расходному материалу из своей творческой лаборатории — соблазн, подстерегающий любого исследователя; между тем различие составляет фундамент работы мысли вместе с отождествлением.

Источники

- Andreas Caesariensis*. Commentarius in Apocalypsin // PG. T. 106. Col. 207–458.
Methodius Olympius. Convivium decem virginum // PG. T. 18. Col. 27–239.

Литература

- Брагинская Н. В.* Иосиф и Асенефа // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2011. Т. 26. С. 34–40.
Кугел Дж. В доме Потифара. М.: Текст, 2010.
Кудрявцева К. Г. «Жена, облечённая в солнце»: происхождение образа. М.: РГГУ, 2015.
Bloch R. Take Your Time. Conversion, Confidence and Tranquility in 'Joseph and Aseneth' // Anthropologie und Ethik im Frühjudentum und im Neuen Testament. Wechselseitige Wahrnehmungen / hrsg. M. Konrad, E. Schläpfer. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. S. 77–96.

Илья Сергеевич Вевюрко